

Л. Калюжная

Критика о романе «Обломов»

В окончательной редакции «Обломов» был опубликован в 1859 году, и его успех, как писал автор, «превзошел... ожидания». Тургенев пророчески заметил:

«Пока останется хоть один русский, — до тех пор будут помнить Обломова».

Л. Толстой писал:

«Обломов — капитальнейшая вещь, какой давно, давно не было. Скажите Гончарову, что я в восторге от Обломова и перечитываю его еще раз...»

В России тех лет не было ни одного самого заштатного городка, где бы не читали, не хвалили «Обломова» и не спорили о нем. В огромной критической литературе о романе центральное место принадлежало статье Николая Добролюбова «Что такое обломовщина?». Он писал:

«Давно уже замечено, что все герои замечательнейших русских повестей и романов страдают оттого, что не видят цели в жизни и не находят себе приличной деятельности. Вследствие чего они чувствуют скуку и отвращение от всякого дела, в чем представляют разительное сходство с Обломовым» —

и для примера приводил так называемых «лишних людей»: Онегина, Печорина, Рудина...

Позволю себе высказать один аргумент в их защиту, подсказанный тем же «Обломовым». Каждый из названных Добролюбовым героев, как и Илья Ильич, в той или иной степени является alter ego писателя. Их голосами озвучены сокровенные мысли и взгляды творцов, их создавших. Все особенности их поведения — рефлексии, депрессии и перепады, вполне объяснимые в случае творческой личности, в рамках обыденности делают из них то, что критику называли «умной ненужностью». Творца оправдывает творение. Писатели, поделившись с героями своим талантом, не поделились с ними своей профессией, оттого и вышли их герои в «лишние люди». А революционно-демократическая критика поспешила их типизировать и на их основе поставить диагноз всей русской жизни, которую, по их мнению, следовало революционно переустроить. Как тут не согласиться с мыслью Василия Розанова, высказанной после 1917 года:

«Собственно, никакого сомнения, что Россию убила литература» («Апокалипсис нашего времени»).

Тот же Розанов сказал свое слово в защиту «обломовщины» (возможно, это и есть объяснение интуитивной симпатии многих поколений к поведенческой честности Ильи Ильича):

«Не правильнее ли будет думать, что «обломовщина» — это состояние человека в его первоначальной непосредственной ясности: это он — детски чистый, эпически спокойный, — в момент, когда выходит из лона бессознательной истории, чтобы перейти в ее бури, в хаос ее мучительных и уродливых усилий ко всякому новому рождению...»

Дмитрий Мережковский отмечал особое место Гончарова в плеяде великих русских писателей. По мнению критика, литература со временем все больше отходила от стройного пушкинского мирозерцания, от его гармонии к вопросам разлада, Гончарова же он считал продолжателем пушкинской традиции:

«По изумительной *резвости* взгляда на мир Гончаров приближается к Пушкину. Тургенев опьянен красотой, Достоевский — страданиями людей, Лев Толстой — жаждой истины, и все они созерцают жизнь с особенной точки зрения. Действительность немного искажается, как очертания предметов на взволнованной поверхности воды. У Гончарова нет опьянения. В его душе жизнь

рисуетя невозмутимо-ясно... Трезвость, простота и здоровье могучего таланта имеют в себе что-то освежающее».